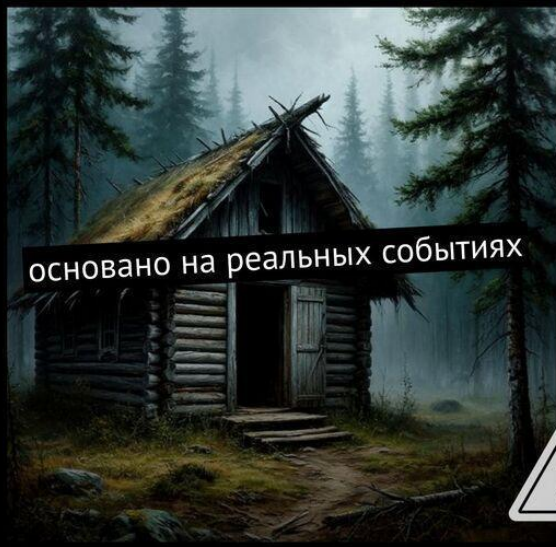
18+

Серафима Суворова

МИСТИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ



Серафима Суворова

Мистические истории. основано на реальных событиях

https://litres.ru/74900154
ISBN 9785007167147

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Иногда я спрашиваю себя: зачем я вообще в это влез? Зачем, вместо того чтобы вести спокойную жизнь обычного человека — ходить на работу, пить кофе по утрам, ругаться с женой из-за немытой посуды — я копаюсь в историях, от которых нормальные люди шарахаются, как от прокажённых? Ответ простой: потому что оно само меня находит. Я не ищу мистику. Мистика находит меня.

Содержание

Мистические истории. Основано на реальных событиях 5
Квартира с запахом ладана 5
Послесловие 22
Лесная гостья 24
Послесловие 45
Одержимая невеста 47
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Мистические истории основано на реальных событиях

Серафима Суворова

© Серафима Суворова, 2026

ISBN 978-5-0071-6714-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мистические истории. Основано на реальных событиях

Квартира с запахом ладана

Иногда я спрашиваю себя: зачем я вообще в это влез? Зачем, вместо того чтобы вести спокойную жизнь обычного человека — ходить на работу, пить кофе по утрам, ругаться с женой из-за немытой посуды — я копаюсь в историях, от которых нормальные люди шарахаются, как от прокажённых? Ответ простой: потому что оно само меня находит. Я не ищу мистику. Мистика находит меня.

Эта история началась с обычного объявления в интернете. Я тогда сидел в своей маленькой квартирке на окраине города, пил остывший чай и листал сайты с недвижимостью. Не потому что хотел переехать — просто у меня была привычка иногда заходить туда и смотреть на старые квартиры. Знаете, есть что-то завораживающее в объявлениях вроде «Продаётся 3-комнатная квартира, 1890 год постройки, требуется косметический ремонт». За этими сухими строчками всегда скрывается чья-то жизнь. А иногда — чья-то смерть.

Объявление, которое я нашёл, было странным. Не по тексту — текст как раз был обычным: «Продаётся просторная квартира в историческом центре. Высокие потолки, лепнина, камин. Требуется ремонт. Торг возможен». Странным был ценник. Квартира в центре города, сто двадцать квадратов, с камином и лепниной — и стоила она в три раза дешевле рыночной цены. Такие вещи не случаются просто так.

Я позвонил по указанному номеру. Ответил мужчина, голос усталый, как у человека, который давно не спит.

— Да, квартира ещё продаётся, — сказал он. — Вы первый, кто позвонил за последние два месяца.

— А почему так дёшево? — спросил я напрямую.

На том конце провода повисла пауза. Долгая. Я уже подумал, что он сбросил.

— Потому что там происходят странные вещи, — наконец сказал он. — Я не буду врать. Вы всё равно узнаете. Лучше я скажу сразу.

— Какие вещи?

— Разные. — Голос его стал тише. — Шаги по ночам.

Запахи. Иногда… иногда вещи двигаются сами. Моя жена больше не может там находиться. Мы снимаем другую квартиру. А эту… эту мы просто хотим продать. Любой ценой.

Я записал адрес. Улица Пушкина, дом 14, квартира 7. Старый район, где ещё сохранились купеческие особняки девятнадцатого века. Я знал это место. Проходил мимо сотни раз. Никогда бы не подумал, что за одним из этих фасадов с облупившейся краской скрывается что-то, что заставит меня не спать неделю.

Дом

Дом номер четырнадцать по улице Пушкина выглядел именно так, как я и представлял: трёхэтажный особняк из тёмно-красного кирпича, с арочными окнами и чугунным балконом, который давно проржавел насквозь. Фасад украшала лепнина — головы львов с отбитыми носами, виноградные лозы, стёршиеся до неузнаваемости. Когда-то это был особняк богатого купца. Теперь — просто старый дом, каких в центре города десятки.

Дверь подъезда открылась с протяжным скрипом. Внутри пахло сыростью, кошками и чем-то ещё — сладковатым, тяжёлым, как будто где-то в глубине здания гнили цветы. Я поднялся по широкой мраморной лестнице — мрамор был

весь в трещинах, ступени стёрлись посередине, как будто по ним ходили полтора века. Что, скорее всего, было правдой.

Квартира номер семь находилась на втором этаже. Дверь была обита коричневым дерматином, местами порванным. Я нажал на звонок. Где-то внутри заиграла дребезжащая трель — такая старая, что казалось, будто звонок помнит ещё времена, когда в этом доме жили люди с прислугой.

Открыл мужчина лет пятидесяти. Худой, с впалыми щеками и глазами человека, который давно махнул на себя рукой. Его звали Андрей. Он провёл меня внутрь, и я сразу понял, почему квартира стоит так дёшево.

Высокие потолки — метров четыре, не меньше. Лепнина на стенах — тяжёлая, затейливая, местами осыпавшаяся. Камин из белого мрамора — настоящий, не бутафория. Паркет — тёмный дуб, скрипящий при каждом шаге. Всё это было прекрасно. И всё это было мертво.

Квартира пахла запустением. Не пылью — пыль я бы узнал. Это был запах чего-то более глубокого, более древнего. Как будто само здание пропиталось временем и теперь медленно разлагалось изнутри.

— Мы купили её пять лет назад, — сказал Андрей, пока

мы шли по длинному коридору. — Хотели сделать ремонт, переехать. Жена мечтала о таком месте. Высокие потолки, центр, история… — Он горько усмехнулся. — История. Если бы мы знали, какая здесь история.

— Что случилось?

— Сначала ничего. Первый год всё было нормально. Мы делали ремонт, жили обычной жизнью. Потом… — Он замолчал, остановился у окна. За окном был серый питерский день, дождь стучал по стеклу. — Потом начались шаги.

— Шаги?

— По ночам. Как будто кто-то ходит по коридору. Туда-сюда. Туда-сюда. Мы думали — соседи. Но соседей сверху нет. Там чердак. Мы поднимались — чердак пустой, заперт, пыль сантиметровым слоем. Никто туда не ходит.

Я записывал в блокнот. Андрей смотрел на меня с каким-то странным выражением — смесь надежды и обречённости.

— Потом появился запах, — продолжил он. — Ладан. Знаете, как в церкви? Только… тяжелее. Как будто ладан смешали с чем-то гнилым. Он появлялся ниоткуда. Мог уда-

рить в нос посреди дня, мог разбудить ночью. Мы проветривали, искали источник — ничего. Запах просто был. И исчезал. А потом возвращался.

— А вещи?

— Вещи двигались. — Андрей сказал это почти шёпотом. — Началось с мелочей. Ключи, которые оказывались не там, где мы их оставили. Книги, падавшие с полок сами по себе. Потом — хуже. Однажды ночью я проснулся от грохота. Вышел в коридор — все стулья с кухни стояли посреди комнаты. В круг. Ровный такой круг, понимаете? Как будто кто-то расставил их специально.

Он замолчал. Я ждал.

— А потом… — Он сглотнул. — Потом жена увидела ЕГО.

— Кого?

— Мальчика. Маленького мальчика. В коридоре. Ночью.

Первая ночь

Я не собирался оставаться в квартире на ночь. Честно. У

меня был план: осмотреть помещение, поговорить с Андреем, записать всё, что он расскажет, и уехать домой. Но когда я уже стоял в дверях, собираясь уходить, что-то меня остановило.

Запах.

Он появился внезапно — густой, тяжёлый, обволакивающий. Ладан. Именно так, как описывал Андрей: церковный ладан, смешанный с чем-то сладковато-гнилостным. Я обернулся. Андрей стоял бледный, как мел.

— Он чувствует вас, — сказал он тихо.

— Кто?

— Мальчик. Он всегда приходит, когда кто-то новый. Как будто… как будто проверяет.

Я остался. Не знаю, что мной двигало — любопытство, азарт исследователя или просто глупость. Но я остался.

Андрей ушёл около десяти вечера. Сказал, что больше не может здесь находиться, что у него есть другая квартира, что он вернётся утром. Я остался один.

Квартира погрузилась в тишину. Не просто тишину — абсолютную, давящую, как будто стены впитали все звуки внешнего мира. Я сидел в гостиной, на старом диване, который Андрей оставил вместе с квартирой. Передо мной лежал блокнот, диктофон и фонарик. Я чувствовал себя идиотом. Взрослый мужик, сидит ночью в пустой квартире и ждёт призраков.

Первые два часа ничего не происходило. Я уже начал клевать носом. Дождь за окном стих, город погрузился в ночную тишину. Я думал о том, что всё это, скорее всего, чушь. Что Андрей просто впечатлительный человек, что запах ладана — это от старых стен, что шаги — это игра воображения.

А потом я услышал шаги.

Они начались где-то в дальнем конце коридора. Медленные, тяжёлые. Шаг. Пауза. Шаг. Пауза. Как будто кто-то шёл, прислушиваясь. Я замер. Шаги приближались. Я включил диктофон.

Звук шагов был отчётливым, материальным. Это не было скрипом дома, не было шумом соседей. Это были именно шаги — уверенные, размеренные, человеческие. Я встал с дивана, взял фонарик. Сердце колотилось где-то в горле.

Шаги остановились прямо за дверью гостиной.

Я смотрел на дверь. Дверь была приоткрыта — я специально оставил её открытой, чтобы слышать, что происходит в коридоре. За дверью была темнота. Густая, непроницаемая.

А потом я увидел его.

Он стоял в дверном проёме. Маленький мальчик. Лет семи, не больше. Бледный — настолько бледный, что казался светящимся в темноте. В старинной одежде: короткие штанишки, рубашка с кружевным воротником, жилет. Как будто сошёл с фотографии девятнадцатого века.

Он смотрел на меня.

Я не мог пошевелиться. Не от страха — хотя страх был, был животный, первобытный. Но было что-то ещё. Что-то в его взгляде. Не злость. Не угроза. Печаль. Бесконечная, глубокая печаль, как у ребёнка, который потерялся и не может найти дорогу домой.

— Ты кто? — прошептал я.

Он не ответил. Просто смотрел. А потом поднял руку и указал куда-то в сторону — вглубь коридора. Туда, где была

стена. Стена с лепниной.

Я моргнул. И он исчез.

Запах ладана стал невыносимым. Я бросился к окну, распахнул его, вдохнул холодный ночной воздух. Руки трясло. Диктофон всё ещё работал.

Я просидел до утра, не сомкнув глаз. Шаги больше не повторялись. Но я чувствовал присутствие. Как будто кто-то невидимый стоял рядом и ждал. Чего — я не знал.

Дневник

Утром пришёл Андрей. Выглядел он не лучше, чем вчера. Я рассказал ему о том, что видел. Он не удивился. Только кивнул, как будто ждал этого.

— Вы не первый, — сказал он. — Приходил один экстрасенс. Женщина. Она сказала, что здесь есть сущность. Ребёнок. Что он не может уйти. Что его что-то держит.

— Что именно?

— Она не сказала. Сказала только, что нужно найти… что-то. В стенах. — Андрей пожал плечами. — Я не пове-

рил. Подумал — шарлатанка. Но теперь… теперь я не знаю.

Я решил остаться. На несколько дней. Изучить квартиру, найти то, о чём говорила экстрасенс. Что-то в стенах.

Первое, что я сделал — начал искать информацию об этом доме. Архивы, старые газеты, интернет. Улица Пушкина, дом четырнадцать. Бывший особняк купца Тарасова. Построен в 1878 году. Купец Тарасов, Сергей Иванович. Жена — Анна Петровна. Дети — двое. Старший сын, Николай, и младший… младший сын, Михаил. Семь лет.

Я нашёл фотографию. Старая, выцветшая, из семейного архива, выложенного каким-то энтузиастом-краеведом. На фотографии — семья Тарасовых. Купец с окладистой бородой, его жена в платье с высоким воротом, старший сын — подросток. И маленький мальчик. На коленях у матери. В коротких штанишках, рубашке с кружевным воротником, жилете.

Тот самый мальчик.

Я нашёл запись в церковной книге. Михаил Тарасов, семи лет, умер в 1885 году. Причина смерти — «горячка». Скарлатина. Он болел две недели. Умер в своей кровати, в этой самой квартире.

Но что-то было не так. Я чувствовал это. В записи было что-то, что не давало мне покоя. Что-то, что я не мог уловить.

Я вернулся в квартиру. Запах ладана стал слабее — как будто мальчик привык ко мне. Я ходил по комнатам, трогал стены, изучал лепнину. Искал что-то. Что-то, что могло держать его здесь.

На третий день я нашёл это.

Стена

Это было в спальне — маленькой комнате в дальнем конце коридора. Той самой, где, судя по планировке, была детская. Я стоял там, смотрел на стену с лепниной, и вдруг заметил, что одна из деталей — голова ангела — выглядит иначе, чем остальные. Она была новее. Чище. Как будто её заменили.

Я надавил на неё. И стена поддалась.

За лепниной был тайник. Небольшое углубление, сантиметров двадцать на двадцать. Внутри лежала коробочка — деревянная, потемневшая от времени. Я открыл её.

Внутри были вещи. Маленькие, детские. Оловянный солдатик. Перочинный ножик. Кусок угля — странно. И записка. На пожелтевшей от времени бумаге, написанная детским почерком, с ошибками:

«Мама сказала что я умру. Я не хочу умирать. Я буду ждать здесь. Я буду ждать пока мама придёт за мной. Я буду ждать всегда».

Я сидел на полу, держал эту записку в руках, и чувствовал, как что-то сжимается в груди. Мальчик. Семилетний мальчик. Он знал, что умирает. И он ждал. Ждал свою мать, которая, скорее всего, умерла через несколько лет после него — я нашёл запись о её смерти. Тиф. 1891 год.

Он ждал больше ста лет. В этой квартире. В этой комнате. В этой стене.

Я не знаю, что произошло потом. Я сидел на полу, и вдруг почувствовал, как холодный воздух коснулся моей щеки. Как будто кто-то маленький, невидимый, дотронулся до меня. Я обернулся.

Он стоял рядом. Мальчик. Михаил. Он смотрел на коробочку в моих руках. И на его лице — впервые за всё это вре-

мя — появилось что-то, похожее на облегчение.

— Ты нашёл, — прошептал он. Голос был тонкий, как комариный писк, но я слышал его отчётливо.

Я кивнул. Горло сжало.

— Мама… — Он замолчал. Посмотрел на меня. — Мама не придёт?

Я не знал, что ответить. Что сказать ребёнку, который умер больше века назад и всё это время ждал маму?

— Она… она не может прийти, — сказал я наконец. — Но она тебя любит. Она всегда тебя любила.

Мальчик кивнул. Медленно, как будто понимал что-то, что не хотел понимать. А потом он улыбнулся. Впервые. Светлой, детской улыбкой.

— Тогда я пойду, — сказал он. — Можно?

Я кивнул. Слёзы текли по щекам, и я не мог их остановить.

Мальчик посмотрел на меня последний раз. А потом просто… растворился. Как дым. Как запах ладана, который

впервые за всё это время исчез полностью.

После

Я просидел в той комнате до утра. Не мог уйти. Казалось, что если я уйду, что-то сломается. Что-то важное.

Утром пришёл Андрей. Он вошёл в квартиру и остановился. Принюхался.

— Запах… — сказал он. — Его нет.

— Знаю, — ответил я. — Он ушёл.

Я рассказал ему всё. Про мальчика, про записку, про тайник в стене. Андрей слушал молча. Потом сел на пол, прямо там, в коридоре, и заплакал. Взрослый мужик, пятидесяти лет, плакал как ребёнок.

— Господи, — повторял он. — Господи, я же думал… я думал, это что-то злое. Что-то страшное. А это был просто… просто ребёнок.

— Просто ребёнок, — согласился я. — Который ждал маму.

Мы похоронили коробочку. На старом кладбище, где была могила Тарасовых. Нашли её — полуразрушенную, заросшую травой. Положили коробочку в землю, рядом с могилой матери. Как будто вернули его домой.

Андрей продал квартиру через месяц. Новые жильцы — молодая пара — ничего странного не замечали. Только иногда, говорили они, в детской комнате пахнет ладаном. Но не страшно. Просто… тепло. Как будто кто-то невидимый улыбается.

Что осталось

Я часто думаю о Михаиле. О мальчике, который умер в семь лет и больше века не мог уйти. О том, что держало его — не злость, не проклятие, не демоны. Любовь. И ожидание. Он ждал мать, потому что не понимал, что смерть — это не навсегда. Он думал, что она придёт. И когда я объяснил ему — не словами, а тем, что нашёл его тайник, что признал его существование — он смог уйти.

Иногда мистика — это не про ужас. Иногда это про боль. Про тех, кто застрял между мирами, потому что не мог отпустить. Про тех, кто ждал так долго, что забыл, чего именно ждёт.

Эта история научила меня одному: не всё, что кажется страшным, является злым. Иногда за шагами в коридоре, за запахом ладана, за тенями на стенах скрывается что-то, что нуждается не в изгнании, а в понимании. В сострадании. В том, чтобы кто-то просто выслушал.

Я не экзорцист. Я не охотник за призраками. Я просто человек, который записывает истории. И иногда — очень редко — эти истории позволяют мне помочь кому-то. Даже если этот кто-то умер больше ста лет назад.

Андрей до сих пор мне звонит. Раз в год, на Пасху. Он говорит, что ходит на кладбище, к могиле Тарасовых. Приносит цветы. Маленький букет — белые хризантемы. Для мальчика, который ждал маму.

И каждый раз, когда я прохожу мимо дома номер четырнадцать по улице Пушкина, я смотрю на окна второго этажа. И мне кажется, что в одном из них — в том, что в дальнем конце, в детской — мелькает маленькая фигурка. Мальчик в коротких штанишках и рубашке с кружевным воротником.

Он больше не ждёт. Он просто смотрит. И улыбается.

Послесловие

Эта история основана на реальных событиях, произошедших в Санкт-Петербурге в 2015—2017 годах. Имена изменены, некоторые детали опущены, но суть осталась. Я действительно нашёл тайник в стене. Я действительно видел мальчика. И я действительно похоронил его коробочку на старом кладбище.

Скептики скажут: это выдумка, это галлюцинация, это игра воображения. Я не буду спорить. Я не могу доказать ничего. У меня остался только диктофон с записью шагов — но там, если честно, ничего не слышно. Только мой голос и тишина. Призраки не оставляют доказательств.

Но я знаю, что видел. И Андрей знает. И та женщина-экстрасенс, которая приходила в квартиру до меня, тоже знала. Иногда этого достаточно.

Мистика не всегда страшна. Иногда она просто… грустна. И если эта история заставит вас задуматься — хотя бы на минуту — о тех, кто ушёл, но не смог уйти, значит, я написал её не зря.

Следующая глава будет другой. Там не будет грустного

мальчика, ждущего маму. Там будет лес, который не отпускает. И сущность, которая забирает долги.

Но это — уже совсем другая история.

Лесная гостья

Звонок из тайги

Эта история началась не с объявления в интернете. Она началась со звонка. Поздний вечер, я сидел на кухне, доедал холодную гречку и смотрел в окно на серое питерское небо. Телефон зазвонил неожиданно — резко, требовательно, как будто звонивший знал, что я не сплю, и не собирался ждать.

Номер был незнакомый. Я ответил.

— Это вы? — Голос был мужской, хриплый, как у человека, который давно не разговаривал. — Тот, который книги про мистику пишет?

— Допустим, — сказал я осторожно. — А кто спрашивает?

— Меня зовут Игорь. — Пауза. — Я прочитал вашу первую книгу. Про квартиру на Пушкина. Про мальчика.

Я молчал. Эта история ещё не была опубликована — я только закончил рукопись месяц назад. Но некоторые люди знали. Издатель, редактор, пара друзей. И, видимо, кто-то

ещё.

— Откуда вы узнали? — спросил я.

— Не важно. — Голос Игоря стал тише. — Важно другое. Мне нужна помощь. Не мне — моему другу. Он… он вернулся из тайги. Один. Из четверых.

Я почувствовал, как по спине пробежал холодок. Не от страха — от предчувствия. Я знал это чувство. Оно появлялось каждый раз, когда я сталкивался с чем-то, что не вписывалось в обычную жизнь.

— Что произошло?

— Они пошли в поход. Четверо. Двое мужчин, две женщины. Опытные, не новички. Маршрут знали. Должны были вернуться через две недели. — Игорь замолчал. Я слышал, как он дышит — тяжело, с присвистом. — Вернулся один. Через три недели. Без вещей, без карты, без… без ничего. Он не говорит, что случилось. Просто сидит и смотрит в стену. Иногда повторяет одно слово.

— Какое?

— «Она».

Я записал адрес. Игорь жил в пригороде, в частном доме. Сказал, что друг сейчас у него, что его зовут Максим, и что он… не в себе. Я обещал приехать утром.

Повесив трубку, я долго сидел в темноте. «Она». Кто — она? Лес? Женщина? Сущность? Я не знал. Но я знал, что не смогу не поехать.

Максим

Дом Игоря стоял на окраине посёлка, у самого леса. Обычный деревянный дом, покосившийся забор, собачья будка без собаки. Игорь встретил меня на крыльце — крупный мужчина лет сорока, с обветренным лицом и руками, которые явно знали топор и лопату. Он кивнул мне, как старому знакомому, и провёл внутрь.

— Он в комнате, — сказал Игорь, кивнув на закрытую дверь. — Сидит там с утра. Не ест, не пьёт. Только курит.

— Он вообще разговаривает?

— Иногда. Но не о том, что случилось. Обычные вещи — погода, еда, сигареты. А как только я спрашиваю про поход — замолкает. И смотрит. — Игорь сглотнул. — У него гла-

за… вы сами увидите.

Я открыл дверь.

Комната была маленькая, с низким потолком и единственным окном, задёрнутым шторой. В углу на кровати сидел мужчина. Худой, заросший, с потухшим взглядом. Лет тридцати пяти, не больше. Перед ним на тумбочке — пепельница, полная окурков. В воздухе висел густой табачный дым.

— Максим? — сказал я тихо.

Он поднял голову. И я понял, что имел в виду Игорь.

Глаза Максима были пустые. Не грустные, не испуганные — пустые. Как будто из них вынули душу. Он смотрел на меня, но не видел. Или видел что-то другое. Что-то, что осталось там, в тайге.

— Вы пришли, — сказал он. Голос был ровный, без эмоций. — Она сказала, что вы придёте.

— Кто — она?

Максим улыбнулся. Это была страшная улыбка — не потому что злая, а потому что неживая. Как будто мышцы лица

двигались сами по себе, без участия хозяина.

— Лесная гостья, — сказал он. — Она ждёт.

Он замолчал и больше не сказал ни слова. Я просидел с ним два часа. Пытался разговорить, задавал вопросы, показывал карту, спрашивал про маршрут. Ничего. Максим просто курил и смотрел в стену.

Тогда я пошёл к Игорю.

— Расскажите всё, что знаете, — сказал я. — Где они были, куда шли, что искали.

Игорь налил себе чай, сел напротив. Лицо у него было усталое, как у человека, который давно не спит.

— Они пошли в тайгу, — начал он. — Не в простой лес, а в глухую тайгу. Места там… плохие. Я сам оттуда родом, знаю. Туда местные не ходят. Говорят, там живёт Хозяйка.

— Хозяйка?

— Так её называют. — Игорь пожал плечами. — Бабка какая-то, говорят. Или не бабка. Никто не видел. Но кто ходил — не возвращался. Или возвращался, но… другим.

— А зачем они пошли?

— Максим хотел снять документалку. Про аномальные зоны. Он журналист, работает на одном канале. Узнал про это место, загорелся. Собрал команду — две девушки, оператор, ну и сам. Думали, за неделю обернутся.

— Что случилось?

Игорь долго молчал. Потом достал из ящика стола старую карту — потрёпанную, с пометками, сделанными от руки.

— Вот здесь они были. — Он ткнул пальцем в точку на карте. — Глухомань. Километров сто от ближайшего жилья. Ни дорог, ни связи. Они должны были выйти к реке, сплавиться вниз. Но что-то пошло не так.

— Что именно?

— Максим не говорит. Но я знаю одно. — Игорь посмотрел мне прямо в глаза. — Он вернулся один. И он не помнит, куда делись остальные. Он говорит, что они «ушли». Просто ушли. Ночью. И не вернулись.

Я почувствовал, как холодок пробежал по спине. «Ушли».

Ночью. В тайге.

— А сам он как выбрался?

— Не помнит. Говорит, шёл. Долго шёл. Пока не вышел к посёлку. Три недели. Без еды, без воды. Как он выжил — никто не понимает.

Я забрал карту. Игорь дал мне ещё одну вещь — старую записную книжку, которую Максим носил с собой. Половина страниц была вырвана. Остались только обрывки записей, сделанных, судя по всему, в первые дни похода.

Я вернулся домой и до утра изучал эти записи. Большинство было неразборчиво — почерк сбивался, буквы прыгали. Но некоторые фразы я смог разобрать.

«День третий. Место странное. Тишина. Даже птицы молчат».

«День пятый. Нашли избушку. Дверь открыта. Внутри — стол, печь, кровать. Как будто ждали».

«День шестой. Она пришла ночью. Стояла у окна. Смотрела. Мы не спали. Боялись».

«День седьмой. Лена пропала. Утром не было. Искали весь день. Ни следов, ни вещей. Просто исчезла».

«День восьмой. Оля говорит, что слышит голос. Зовёт. Я не слышу. Но она слышит».

«День девятый. Оля ушла ночью. Я не смог остановить. Она шла как во сне. Я кричал. Она не обернулась».

«День десятый. Остались вдвоём. Слава не разговаривает. Сидит у печи. Смотрит в огонь. Я боюсь его».

«День одиннадцатый. Слава ушёл. Я остался один. Она стоит за дверью. Я не открываю».

Дальше записи обрывались. Последняя страница была вырвана — остался только клочок бумаги с одной фразой, написанной крупно, почти на всю страницу:

«ОНА НЕ ОТПУСТИТ».

Дорога

Я не спал всю ночь. Утром позвонил Игорю и сказал, что еду. Он не удивился. Только спросил:

— Один?

— Один, — ответил я. — Так надо.

На самом деле, я не был уверен, что поступаю правильно. Но я знал одно: если я не поеду, Максим так и будет сидеть у стены, а те трое — Лена, Оля и Слава — останутся там. В тайге. С Ней.

Дорога заняла два дня. Сначала поезд до областного центра, потом автобус до райцентра, потом — попутка до последнего посёлка, откуда начинались «места». Водитель, пожилой мужик с прокуренным голосом, долго отказывался ехать. Говорил, что там плохо, что там люди пропадают, что он не самоубийца. Я предложил двойную цену. Он согласился, но всю дорогу молчал и крестился.

Посёлок назывался Медвежий Угол. Десяток домов, магазин, клуб, который давно не работал. Я нашёл местного охотника — его звали Дед Матвей. Ему было под семьдесят, но выглядел он крепко: сухой, жилистый, с глазами, которые видели много такого, о чём не рассказывают внукам.

— Значит, туда собрался, — сказал он, когда я объяснил, зачем приехал. — За подружками Максима.

— Вы знаете Максима?

— Кто ж его не знает. — Дед Матвей сплюнул. — Приезжал тут, всё выспрашивал про Хозяйку. Я ему говорил: не ходи. Не послушал.

— А что там? Что за Хозяйка?

Дед Матвей долго молчал. Потом достал кисет, скрутил самокрутку, закурил. Дым поплыл в вечернем воздухе, смешиваясь с запахом сырости и хвои.

— Бабка это, — сказал он наконец. — Или не бабка. Никто не знает. Живёт в лесу, в избушке. Говорят, старая-престарая. Сколько ей лет — не счесть. Может, сто. Может, двести. Может, больше.

— Она злая?

— Не злая. — Дед Матвей покачал головой. — Она… другая. Лес — её дом. Она в нём хозяйка. Кто приходит с добром — тому добро. Кто приходит с худом — тому худо. А кто просто приходит — тот остаётся.

— Остаётся?

— Навсегда. — Дед Матвей посмотрел на меня. — Лес забирает. Не убивает — забирает. Человек становится частью леса. Ходит, дышит, но уже не человек. Тень. Голос. Ветер.

Я почувствовал, как по спине пробежал холод. «Ходит, дышит, но уже не человек». Как Максим. Он вернулся, но что-то осталось там. Что-то важное.

— А можно их вернуть? — спросил я. — Тех, кто остался?

Дед Матвей затушил самокрутку. Встал. Посмотрел на лес, который начинался сразу за посёлком — тёмный, густой, молчаливый.

— Можно, — сказал он. — Если знать как. И если Хозяйка отпустит.

— А она отпустит?

— Смотря кого. — Дед Матвей усмехнулся. — Она не любит, когда приходят с пустыми руками. Надо дать что-то взамен. Что-то важное.

Он ушёл в дом и вернулся через минуту. В руках у него был маленький мешочек — холщовый, с завязками.

— Вот, — сказал он, протягивая мешочек. — Возьми. Это соль. Освящённая. Бабка моя ещё делала. Когда пойдёшь в лес — рассыпь её вокруг себя. Круг сделай. Тогда Она не подойдёт.

— А если подойдёт?

— Тогда не открывай дверь. — Дед Матвей посмотрел мне прямо в глаза. — Что бы она ни говорила. Что бы ни делала. Не открывай.

Тайга

Я вышел на рассвете. Дед Матвей дал мне карту — старую, рукописную, с пометками, которые знал только он. Показал тропу, которая вела вглубь леса. Сказал, что идти дней пять, если не сбиться. Дал компас, спички, немного еды.

— И вот ещё что, — сказал он на прощание. — Если увидишь избушку — не заходи сразу. Постой рядом. Послушай. Если услышишь, что кто-то плачет — не ходи. Если услышишь, что кто-то зовёт — не отвечай. А если увидишь старуху — кланяйся. Низко. До земли. Она это любит.

Я кивнул и шагнул в лес.

Первые два дня ничего не происходило. Лес был обычным — сосны, ели, мох под ногами, комары, которые жрали так, что казалось, будто они решили высосать из меня всю кровь. Я шёл по тропе, которую показывал Дед Матвей, и старался не думать о том, что меня ждёт впереди.

На третий день лес изменился. Я заметил это сразу — как будто перешёл невидимую границу. Деревья стали выше, темнее. Мох под ногами — мягче, гуще. Воздух — тяжелее, как перед грозой. И тишина. Абсолютная, давящая тишина. Ни птиц, ни насекомых, ни ветра. Только моё дыхание и хруст веток под ногами.

Я шёл ещё день. На четвёртый — увидел избушку.

Она стояла на поляне, окружённая высокими елями. Маленькая, покосившаяся, с почерневшими от времени стенами. Крыша провалилась в одном месте. Дверь была открыта. Внутри — темнота.

Я вспомнил слова Деда Матвея. «Не заходи сразу. Постой рядом. Послушай».

Я стоял. Слушал.

Сначала ничего. Потом — тихий звук. Плач. Женский.

Где-то внутри избушки. Или за ней. Я не мог понять.

Я не пошёл на плач. Достал мешочек с солью, рассыпал вокруг себя круг. Сел на землю, спиной к дереву. Ждал.

Ночь пришла быстро. Темнота в тайге — не как в городе. Здесь она густая, как смола. Я сидел в кругу соли, смотрел на избушку и ждал.

Она пришла около полуночи.

Я не видел, как она появилась. Просто почувствовал — холод. Резкий, пронизывающий, как будто кто-то открыл дверь в морозильную камеру. Я поднял голову.

Она стояла на краю поляны. Старуха. Сгорбленная, в тёмном платье, с платком на голове. Лица не было видно — только тень. Но я чувствовал её взгляд. Тяжёлый, как камень.

Она не подходила. Стояла и смотрела. А потом заговорила. Голос был странный — не старческий, не женский. Что-то среднее. Как будто говорил сам лес.

— Зачем пришёл?

Я не ответил. Дед Матвей сказал: не отвечай. Но она жда-

ла.

— За девками пришёл? За парнем? — Голос стал насмешливым. — Они не вернутся. Они ушли. Добровольно.

— Они не знали, что делают, — сказал я. Не выдержал. Хотя знал, что нельзя.

Старуха замолчала. Долго молчала. Потом рассмеялась. Смех был сухой, как шелест листвы.

— Все не знают. Все думают, что пришли в лес, а лес — это просто деревья. Глупые. — Она шагнула ближе. — Ты думаешь, соль тебя спасёт?

Я молчал. Сердце колотилось. Она стояла у границы круга. Не переступала. Но я чувствовал, что если она захочет — переступит.

— Ладно, — сказала она. — Я отпущу их. Одну. Ты выберешь кого.

— Почему одну?

— Потому что одна уже ушла. Далеко. Её не вернуть. — Старуха улыбнулась. Я не видел улыбки, но почувствовал. —

Осталось двое. Выбирай.

Я думал. Лена, Оля, Слава. Одна — уже не человек. Двое — ещё можно спасти. Но кого?

— Славу, — сказал я. — Мужчину.

Старуха кивнула.

— Хорошо. Жди здесь. Утром он выйдет.

Она исчезла. Просто растворилась в темноте. Я сидел, не смыкая глаз, до рассвета.

Слава

Утром из избушки вышел человек.

Он был худой, как скелет. Одежда висела клочьями. Лицо — серое, глаза — пустые. Но он шёл. Сам. Ногами. Ко мне.

— Слава? — спросил я.

Он кивнул. Медленно, как будто это движение давалось ему с трудом.

— Идём, — сказал я. — Я выведу тебя.

Он не ответил. Просто пошёл за мной. Как собака. Молча, глядя в землю.

Мы шли два дня. Слава не разговаривал. Иногда останавливался, смотрел назад. На лес. Как будто ждал, что кто-то выйдет следом. Но никто не выходил.

На третий день мы вышли к посёлку. Дед Матвей встретил нас на окраине. Посмотрел на Славу, потом на меня. Покачал головой.

— Одна, — сказал он. — Только одну отпустила.

— Двух, — ответил я. — Одну вернуть нельзя. Она ушла.

Дед Матвей кивнул. Помолчал.

— А вторая?

— Что — вторая?

— Оля. Она где?

Я не ответил. Я не знал. Старуха сказала: осталось двое.

Выбирай. Я выбрал Славу. Оля осталась. Там. В лесу.

Я до сих пор не знаю, правильно ли поступил. Может, надо было выбрать Олю. Может, Слава уже был потерян. Может, я спас не того.

Но я знаю одно: выбор был. И я его сделал.

Оля

Слава пришёл в себя через неделю. Начал говорить, есть, спать. Но глаза остались пустыми. Как у Максима. Как у тех, кто вернулся, но не до конца.

Он рассказал мне, что помнил. Немного. Отрывками.

— Мы нашли избушку, — говорил он. Голос был ровный, без эмоций. — Внутри — стол, печь, кровать. Как будто ждали. Мы решили заночевать. Лена легла на кровать. Оля — у окна. Я — у печи. Максим — у двери.

— Что было ночью?

— Она пришла. Старуха. Встала у окна. Смотрела. Мы не могли двигаться. Как будто паралич. Она смотрела на Лену. Долго. А потом Лена встала. Сама. И вышла. Мы не могли

её остановить.

— А потом?

— Потом Оля. Она сказала, что слышит голос. Зовёт. Я не слышал. Но она слышала. Ночью встала и ушла. Туда же. Я пытался кричать. Но голоса не было. Я просто смотрел.

— А Максим?

— Максим ушёл последним. Он сказал, что больше не может. Что она не отпустит. И ушёл. Я остался один. Долго сидел. Потом тоже пошёл. Но не туда. В другую сторону. Я шёл, шёл, шёл. Пока не вышел к людям.

Он замолчал. Я ждал.

— Я слышу её, — сказал он вдруг. — Иногда. Ночью. Голос. Зовёт. Я не иду. Но слышу.

— Это Оля?

— Не знаю. Может, Оля. Может, лес. Может, Хозяйка. — Он посмотрел на меня. Впервые за всё время — прямо, осмысленно. — Вы не должны были меня спасать. Надо было её.

Я не ответил. Потому что не знал, что сказать. Может, он был прав. Может, я ошибся.

Но было уже поздно. Выбор сделан.

Возвращение

Я вернулся в город через месяц. Усталый, опустошённый, с чувством, что сделал что-то не так. Но что именно — не понимал.

Максим к тому времени уже пришёл в себя. Частично. Он перестал смотреть в стену, начал разговаривать. Но глаза остались пустыми. И иногда, ночью, он просыпался от того, что слышал голос. Женский. Зовущий.

Он переехал. В другой город, подальше от тайги. Сменил номер телефона. Начал новую жизнь. Но я знаю — он не забыл. Такое не забывается.

Слава тоже уехал. Куда — не сказал. Просто исчез однажды, оставив записку: «Не ищите. Я должен вернуться. Она ждёт».

Я не знаю, вернулся ли он. Не знаю, нашёл ли Олю. Не

знаю, что с Леной. Может, она стала частью леса. Может, стала ветром. Может, стала голосом, который зовёт по ночам.

Я знаю только одно: тайга не отпускает. Она забирает. Не убивает — забирает. И тех, кто ушёл, уже не вернуть. По крайней мере, не полностью.

Что я понял

Эта история научила меня большему, чем первая. Тогда, с мальчиком, я думал, что мистика — это про боль. Про тех, кто застрял. Про тех, кто ждёт.

Теперь я знаю: мистика — это ещё и про выбор. Про то, что иногда приходится решать, кого спасти. И это решение никогда не бывает правильным. Потому что спасая одного, ты оставляешь другого. И живёшь с этим. Всю жизнь.

Я до сих пор думаю об Оле. О девушке, которая слышала голос и пошла за ним. Где она сейчас? Что с ней стало? Стала ли она тенью? Голосом? Ветром? Или она всё ещё там — ходит по тайге, ищет дорогу домой, но не может найти?

Иногда мне снится лес. Тёмный, густой, молчаливый. Я стою на поляне, перед избушкой. Дверь открыта. Внутри — темнота. И оттуда доносится голос. Женский. Зовёт. Я делаю

шаг. Потом ещё один. И просыпаюсь в холодном поту.

Я больше не хожу в тайгу. Не потому что боюсь. Потому что знаю: если пойду — не вернусь. Или вернусь, но не полностью.

Дед Матвей умер через год. Тихо, во сне. Говорят, перед смертью он улыбался. Как будто увидел что-то хорошее. Может, Хозяйку. Может, лес. Может, тех, кто ушёл.

Я храню его мешочек с солью. Не использую — просто храню. Как напоминание. О том, что есть вещи, которые нельзя объяснить. И есть выборы, которые нельзя исправить.

Послесловие

Эта история основана на реальных событиях, произошедших в 2018 году в одном из отдалённых районов Сибири. Группа журналистов действительно отправилась в тайгу на поиски «аномальной зоны» и не вернулась в полном составе. Один человек вышел к людям через три недели. Что с остальными — неизвестно до сих пор.

Я не буду называть точное место. Не потому что боюсь — потому что не хочу, чтобы кто-то ещё пошёл туда. Тайга не любит гостей. Особенно тех, кто приходит с пустыми рука-

ми.

Если вы когда-нибудь окажетесь в глухом лесу и увидите избушку — не заходите. Если услышите плач — не идите на звук. Если увидите старуху — кланяйтесь. Низко. До земли. И уходите. Быстро.

И никогда не отвечайте, если вас позовут по имени. Особенно ночью. Особенно в тайге. Особенно если голос женский.

Потому что лес — он живой. И у него есть Хозяйка. И она не отпустит.

Одержимая невеста

Письмо

Иногда мне пишут читатели. Чаще всего — с вопросами: «А это правда было?», «А как защититься?», «А можно ли вызвать духа, чтобы он помог?». На последние я не отвечаю. Потому что знаю: тот, кто спрашивает про вызов, ещё не понимает, о чём спрашивает. А тот, кто понимает, — уже не спрашивает.

Но одно письмо я запомнил на всю жизнь. Оно пришло не по электронной почте, не в комментариях, не через издательство. Оно пришло обычной почтой. Толстый конверт, заклеенный скотчем, с обратным адресом: Нижегородская область, город Ветлуга, Наталье Сергеевне К.

Внутри было письмо, написанное от руки, ровным учительским почерком. И ещё — пачка ксерокопий. Медицинские выписки. Записи из тетради. Фотография молодой девушки — светлые волосы, серые глаза, улыбка.

Я прочитал письмо до конца. Потом перечитал ещё раз. Потом сел на пол, потому что ноги перестали держать.

«Здравствуйте. Вы меня не знаете, но я знаю вас. Я прочитала ваши книги. Про мальчика. Про лес. Вы пишете так, как будто сами всё видели. Может, и видели. Я не знаю. Но я хочу, чтобы вы написали про мою дочь. Потому что про неё никто не напишет. Никто не поверит. А если не написать — она как будто исчезнет совсем. Как будто её и не было.

Мою дочь зовут Анна. Аня. Ей двадцать четыре года. Она хотела выйти замуж. У неё был жених, хороший парень, Дима. Они любили друг друга. Они собирались пожениться в июне.

А в марте она начала меняться. Сначала по мелочам: перестала ходить в церковь, хотя раньше ходила каждое воскресенье. Потом — хуже. Она стала злиться. На меня, на Диму, на всех. Кричала, что её все хотят контролировать. Потом как будто успокоилась. Я подумала — нервы, подготовка к свадьбе, стресс. Все невесты нервничают.

А потом она начала говорить.

Голос был не её. Это был мужской голос. Низкий, хриплый, как будто человек сорвал горло. Он говорил вещи, которых Аня не могла знать. Про мою мать, про бабушку, про то, что случилось в нашем роду много лет назад. Он смеялся. Он говорил, что никуда не уйдёт. Что он ждал.

Мы возили её к врачам. В Нижний Новгород, в Москву. Психиатры сказали — шизофрения. Прописали таблетки. Она их пила. Ей становилось легче — на день, на два. А потом всё возвращалось. И каждый раз — хуже.

Я не знала, что делать. Я не спала ночами. Я молилась. Я ходила к батюшке в наш храм — отец Сергий, он старенький уже, но он мне помог. Он сказал, что это не болезнь. Он сказал, что это другое. И он начал читать над ней.

Я не буду описывать всё. Это слишком страшно. Но я хочу, чтобы вы знали: это не выдумка. Это было. Это есть.

Сейчас Аня жива. Она вышла замуж. Она улыбается. Но иногда, ночью, я слышу, как она говорит во сне. Не своим голосом. И тогда я встаю, иду в её комнату и читаю «Отче наш». И голос замолкает.

Пожалуйста, напишите про неё. Про нас. Про то, что было. Может быть, кому-то это поможет. Может быть, кто-то прочитает и не пойдёт туда, куда ходила Аня.

С уважением, Наталья Сергеевна».

Я отложил письмо и посмотрел на фотографию. Молодая

девушка с ясным взглядом. Свадебное платье. Белые цветы. Счастливая.

Я позвонил по номеру, который был указан в письме. Трубку взяла женщина. Усталый, тихий голос.

— Наталья Сергеевна? Это вы мне писали?

Пауза. Потом — выдох, как будто она держала дыхание много дней.

— Вы приедете?

— Приеду.

Ветлуга

Ветлуга — маленький городок в Нижегородской области, затерянный среди лесов и болот. Добраться туда непросто: сначала поезд до Нижнего, потом автобус, потом ещё автобус, который идёт через какие-то деревни, где нет ни асфальта, ни связи. Я ехал почти сутки. Когда вышел на автовокзале, у меня гудели ноги и кружилась голова.

Меня встретила Наталья Сергеевна. Женщина лет пятидесяти, в сером пальто, с усталым лицом и глазами, которые

давно не знали покоя. Она обняла меня, как родного. Как будто я был единственным человеком, который мог её понять.

— Спасибо, что приехали, — сказала она. — Я уже не надеялась.

Мы шли по тихим улицам. Старые деревянные дома, покосившиеся заборы, колодцы с воротом. Город как будто застыл во времени. Здесь не было ни суеты, ни спешки. Только тишина и запах дыма из печных труб.

Дом Натальи Сергеевны стоял на окраине, у самого леса. Двухэтажный, деревянный, с резными наличниками. Внутри пахло пирогами и сушёными травами — под потолком висели пучки зверобоя и мяты.

— Аня сейчас у Димы, — сказала Наталья Сергеевна, ставя чайник. — Они живут в соседнем доме. Я позвала её, но она… она не хочет говорить об этом. Ей тяжело вспоминать.

— А вы можете рассказать?

— Могу. — Она села напротив, сложила руки на столе. — Я всё расскажу. Только вы слушайте. И не перебивайте. Потому что если я остановлюсь — я не смогу продолжить.

Я кивнул. Включил диктофон. Наталья Сергеевна вздохнула. И начала.

Аня

«Аня всегда была хорошей девочкой. Тихая, послушная, добрая. Училась хорошо, помогала мне по дому. В церковь ходила с детства — я её сама водила. Она пела в хоре, знала все молитвы. Я думала — вырастет, станет учительницей или врачом. Хорошая жизнь будет.

Она выросла. Поступила в педагогический, в Нижнем. Училась на учителя начальных классов. Там и познакомилась с Димой. Он старше её на два года, тоже педагог, только физкультуру преподаёт. Хороший парень. Спокойный, надёжный. Я сразу поняла — это её человек.

Они встречались три года. Потом Дима сделал предложение. Аня пришла домой сияющая, показала кольцо. Мы стали готовиться к свадьбе. Дата — двенадцатое июня. Венчание в нашем храме, потом банкет в кафе. Всё как у людей.

За месяц до свадьбы Аня поехала в Нижний — за платьем. Вернулась странная. Не грустная, не злая — никакая. Как будто что-то из неё вынули. Я спросила: что случилось? Она

сказала: ничего, устала. Я не поверила, но не стала давить.

Через день она перестала ходить в церковь. Я спросила почему. Она сказала: не хочу. Я удивилась — она с детства ходила. Но подумала: может, правда устала, может, перед свадьбой нервы. Не стала настаивать.

А потом началось.

Сначала она стала раздражительной. Кричала на меня по пустякам: не так посолила, не то сказала. Потом начала кричать на Диму. Он приходил, а она его выгоняла. Говорила: уходи, ты мне не нужен. Он не понимал, что происходит. Я тоже.

Однажды ночью я проснулась от того, что кто-то ходит по дому. Я вышла в коридор. Аня стояла у окна. Смотрела в темноту. Я спросила: Аня, ты чего не спишь? Она обернулась. И посмотрела на меня.

Это был не её взгляд. Я не знаю, как объяснить. Глаза были её, серые, но смотрели они не по-её. Как будто внутри неё был кто-то другой. И этот другой смотрел на меня.

Я испугалась. Спросила: Аня, с тобой всё хорошо? Она улыбнулась. И сказала — не своим голосом. Мужским. Низ-

ким. Хриплым.

«Спи, мать. Всё хорошо. Я просто смотрю».

Я не помню, как дошла до кровати. Я не помню, как дожила до утра. Я только помню, что всю ночь читала молитвы. И не могла остановиться.

Утром Аня была как обычно. Ничего не помнила. Спросила, почему я такая бледная. Я не сказала. Не смогла.

А через три дня началось по-настоящему».

Наталья Сергеевна замолчала. Взяла чашку, отпила чай. Руки у неё дрожали.

— Вы можете остановиться, — сказал я. — Если тяжело.

— Нет. — Она покачала головой. — Я должна рассказать. Пока помню. Пока не забыла.

Голос

«Это случилось на Пасху. Мы пошли в храм — я, Аня, Дима. Аня всю службу стояла как чужая. Не крестилась, не пела. Просто стояла. Я думала — устала. После службы мы

пошли к свечам. Аня взяла свечу, подошла к иконе Божьей Матери. И вдруг…

Она закричала.

Не как человек. Как зверь. Крик был такой, что все обернулись. Свечи попадали. Люди шарахнулись. А Аня стояла перед иконой и кричала. А потом начала говорить.

Голос был мужской. Грубый. Он говорил: «Не хочу! Не буду! Уберите!». Он говорил про икону. Про храм. Про всех, кто там был. Он говорил такие вещи, которые я не могу повторить. Хульные. Страшные.

Отец Сергий подбежал. Он старый уже, но быстрый. Он взял Аню за руку и повёл к выходу. Она упиралась. Кричала. Люди расступались. Кто-то крестился. Кто-то плакал. Кто-то убежал.

Мы вывели её на улицу. Она упала на снег. Забилась. Как в припадке. Пена изо рта. Глаза закатились. Я думала — умрёт.

Отец Сергий читал молитву. Долго. Громко. Аня билась, кричала, потом затихла. Потом открыла глаза. И посмотрела на нас. Это была она. Моя Аня. Она спросила: «Мама, что

случилось? Почему я на снегу?».

Я не знала, что сказать. Я просто обняла её. И плакала.

Отец Сергий отвёл меня в сторону. Сказал: «Это не болезнь. Это одержимость. Ей нужна помощь. Не только врачей».

Я спросила: «Что делать?». Он сказал: «Молиться. И готовиться. Потому что это будет долго».

Он оказался прав. Это было долго. И страшно. И я не знаю, как мы это выжили».

Отец Сергий

Отец Сергий жил в маленьком домике рядом с храмом. Ему было семьдесят два года. Худой, сгорбленный, с длинной седой бородой и глазами, которые видели много такого, о чём не пишут в книгах. Он принял меня в своей крошечной келье — стол, иконы, лампада, запах ладана и воска.

— Садитесь, — сказал он. — Наталья Сергеевна предупредила, что вы приедете. Вы пишете про то, что другие не хотят замечать.

— Я пишу про то, что вижу, — ответил я.

— Хорошо. — Он кивнул. — Тогда я расскажу вам то, что видел. Только не для того, чтобы вы это напечатали в газете. А для того, чтобы вы поняли. Чтобы вы знали, с чем имеете дело.

Он налил мне чаю. Сел напротив. Закрыл глаза. И начал.

— Я служу в этом храме сорок лет. За это время я видел многое. Люди приходят с бедами, с грехами, с болезнями. Иногда — с тем, что не имеет названия. Я не всегда знаю, что делать. Но я знаю одно: Церковь дала нам оружие против этого.

Он открыл глаза. Посмотрел на меня.

— Вы знаете, что такое отчитка?

— Слышал. Чин изгнания нечистых духов.

— Да. Это не то, что показывают в кино. Это не спектакль. Это — бой. Долгий, тяжёлый, кровавый. И не всегда победный.

Он замолчал. Я ждал.

— Когда я впервые увидел Аню, я понял: это серьёзно. Она не притворялась. Она не болела. В ней был кто-то. Кто-то, кто ненавидел всё, что связано со Христом. Кто-то, кто знал то, чего она не могла знать. И этот кто-то не собирался уходить.

— Кто это был?

— Демон. — Отец Сергий сказал это просто, без пафоса, как будто говорил о погоде. — Не бес, не дух, не сущность. Демон. Падший ангел. Один из тех, кто восстал против Бога. Таких много. Они разные. Этот был… старый. Опытный. Он не просто мучил Аню. Он играл с нами.

— Играл?

— Да. Он говорил нам вещи, которые должны были нас сломать. Он знал наши слабости. Он знал наши грехи. Он знал то, что мы скрывали даже от себя. Он использовал это. Он смеялся над нами. Он говорил: «Вы думаете, что можете меня изгнать? Вы думаете, что вы сильнее? Вы — ничто. Вы — пыль. Я был здесь до вас. Я буду здесь после вас».

Отец Сергий вздохнул.

— Он не врал. Он действительно был старше нас. Намного старше. Но он забыл одну вещь.

— Какую?

— Что он — не Бог. И что у него есть Владыка. И что этот Владыка сильнее.

Первая отчитка

«Первую отчитку мы провели в конце апреля. В храме, вечером, когда никого не было. Я, отец Александр — молодой священник, он мне помогал, — и Наталья Сергеевна. Аня сидела на стуле посреди храма. Дима стоял у двери. Он не мог подойти — Аня его не подпускала.

Я начал читать. Чин изгнания. Молитвы. Псалмы. Аня сидела тихо. Сначала. Потом начала дёргаться. Потом — кричать. Потом — говорить.

Голос был мужской. Он говорил: «Зачем пришёл? Ты думаешь, что можешь меня выгнать? Ты — старик. Ты — немощный. Я сильнее тебя».

Я продолжал читать. Он кричал. Он плевался. Он называл меня такими словами, что я не буду повторять. Он говорил

про мою мать, про мой грех, про то, что я скрывал всю жизнь. Он знал всё. Всё.

Но я читал. И читал. И читал.

Он начал биться. Аня упала со стула. Забилась. Изо рта пошла пена. Глаза закатились. Я думал — она умрёт. Но я не остановился. Потому что знал: если остановлюсь — он победит.

Я читал четыре часа. Четыре часа. Отец Александр держал её, чтобы она не разбилась о пол. Наталья Сергеевна стояла на коленях и молилась. Дима плакал у двери.

А потом — она затихла.

Просто затихла. Как будто кто-то выключил рубильник. Она лежала на полу, тяжело дыша. Я подошёл. Она открыла глаза. И посмотрела на меня.

Это была она. Моя Аня. То есть — не моя. Наташина. Но она.

Она сказала: «Батюшка, простите меня».

Я сказал: «Это не ты. Не проси прощения».

Она сказала: «Это я. Я пустила его».

Я спросил: «Как?».

Она сказала: «Я ходила к гадалке».

И я понял. Понял, что это только начало. Потому что гадалка — это не просто гадалка. Это дверь. А дверь, если её открыть, уже не закрыть так просто».

Отец Сергий замолчал. Посмотрел на меня.

— Вы понимаете, что я говорю?

— Кажется, да.

— Тогда я продолжу.

Гадалка

Аня ходила к гадалке. Об этом она рассказала только через неделю. Не сама — Дима рассказал. Он вспомнил, что за месяц до свадьбы Аня ездила в Нижний, за платьем. И там, на вокзале, к ней подошла женщина. Немолодая, в тёмном. Сказала: «Девушка, у тебя на тебе порча. Хочешь, сниму?».

Аня тогда посмеялась. Не поверила. Но женщина сказала: «Ты замуж собираешься? А жених-то твой тебе не верен. Хочешь, покажу?».

Аня замерла. Потому что незадолго до этого у неё действительно были сомнения. Дима задерживался на работе, отвечал на звонки не сразу. Ничего серьёзного — просто нервы. Но женщина попала в больное место.

Она пошла. Куда — не помнила. Помнила только комнату, свечи, зеркало. Помнила, как женщина что-то шептала над водой. Помнила, как пила чай, который ей дали. Помнила, как женщина сказала: «Всё. Теперь он твой навеки».

Аня вышла оттуда как пьяная. Не помнила, как добралась до дома. Не помнила, как прошёл следующий день. А потом началось.

— Она открыла дверь, — сказал отец Сергий. — Сама. Не понимая, что делает. Гадалка не просто гадала. Она делала приворот. А приворот — это не любовь. Это насилие над волей. Это сделка. И в этой сделке всегда есть третья сторона. Та, которая приходит, когда её зовут.

— Демон?

— Да. Он пришёл. Через гадалку, через воду, через чай, через приворот. Он вошёл в неё. И он не собирался уходить. Потому что он нашёл дом. Тёплый, живой, молодой. Он хотел остаться.

— Но вы его изгнали.

— Не сразу. — Отец Сергий покачал головой. — Это было не в один раз. Мы читали над ней девять раз. Девять. С перерывами. Каждый раз — по несколько часов. Каждый раз — бой. И каждый раз он возвращался. Потому что была причина. Что-то, что держало его. Что-то, что Аня должна была сделать сама.

— Что?

— Покаяться. По-настоящему. Не просто сказать «прости». А понять, что она сделала. Что она пошла против Бога. Что она искала помощи не у Него, а у тьмы. Что она хотела знать будущее, хотела управлять чужой волей, хотела любви, которую не заслужила. Она должна была это признать. И отказаться. Навсегда.

— И она отказалась?

— Да. — Отец Сергий улыбнулся. Впервые за всё время. — На девятый раз. После девятой отчитки. Она лежала на полу, вся мокрая, обессиленная. И сказала: «Господи, прости меня. Я больше не буду». И он вышел. Просто вышел. Как будто его выключили.

Что было потом

Аня поправилась не сразу. Она была слабая, как после тяжёлой болезни. Не могла ходить, не могла есть. Спала по двадцать часов в сутки. Врачи говорили: истощение, нервное и физическое. Прописали витамины, покой, сон.

Она не помнила почти ничего. Отрывочные воспоминания — как вспышки. Крик в храме. Холодный пол. Голос, который говорил изнутри. Как будто кто-то сидел у неё в голове и управлял её телом.

— Это самое страшное, — сказала мне Аня, когда я наконец с ней встретился. — Не то, что он делал. А то, что я не могла ничего сделать. Я была там. Внутри. Я всё видела. Всё слышала. Но не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Как будто я — в клетке. А клетка — моё собственное тело.

Мы сидели на кухне у Натальи Сергеевны. Аня пила чай. Рядом сидел Дима — молчаливый, серьёзный, держал её за

руку. Он почти не говорил. Только смотрел на неё. Как будто боялся, что она исчезнет.

— Я ходила к гадалке, потому что боялась, — сказала Аня. — Боялась, что он меня разлюбит. Боялась, что я недостаточно хороша. Боялась, что всё это — сон, и однажды я проснусь, и его не будет. Я хотела гарантий. Хотела знать наверняка. И за это… за это я заплатила.

— Ты не виновата, — сказал Дима. — Ты не знала.

— Знала, — ответила Аня. — Знала, что нельзя. Знала, что это грех. Но пошла. Потому что хотела по-своему. Не по-Божьему. По-своему.

Она замолчала. Посмотрела в окно. За окном был серый день, дождь стучал по стеклу.

— Я иногда думаю: а если бы я тогда не пошла? Если бы я просто доверилась? Если бы я молилась, а не гадала? Может, ничего бы не было. Может, мы бы жили спокойно. Может, я бы не узнала, что такое… — Она не закончила. Не смогла.

— Но ты узнала, — сказал я. — И теперь ты можешь рассказать другим.

— Да, — сказала она. — Могу. Только кто послушает?

Свадьба

Они поженились в сентябре. Не в июне, как хотели. Свадьба была тихая. В храме, без гостей. Только я, Наталья Сергеевна, отец Сергий и ещё пара человек. Аня была в белом платье. Дима — в чёрном костюме. Они стояли перед алтарём, держались за руки, и я видел, как у них дрожат пальцы.

Отец Сергий венчал их. Читал молитвы. Крестил. Улыбался. Когда он надел им венцы, Аня заплакала. Тихо, беззвучно. Дима обнял её. И они стояли так — долго, не двигаясь.

После венчания мы пошли в дом. Наталья Сергеевна накрыла стол. Пироги, соленья, чай. Мы сидели, разговаривали. Про погоду, про лес, про то, что в этом году много грибов. Никто не вспоминал о том, что было. Как будто это был дурной сон, который прошёл.

Но я видел. Видел, как Аня иногда замирает. Как будто прислушивается к чему-то внутри. Как её глаза на секунду становятся пустыми. А потом — снова её. Живые, серые, тёплые.

Она не забыла. Она не могла забыть. И никогда не сможет.

Ночь в Ветлуге

Я остался в Ветлуге на три дня. Наталья Сергеевна постелила мне в маленькой комнате на втором этаже. Там было окно, выходящее на лес. Я смотрел в него по ночам. Лес был тёмный, густой, молчаливый. Как тайга. Как то место, где живёт Хозяйка.

На вторую ночь я проснулся от звука. Тихий, ровный. Как будто кто-то читает молитву. Я встал, вышел в коридор. Свет горел только в комнате Ани. Я подошёл. Дверь была приоткрыта.

Аня сидела на кровати. Рядом спал Дима. Она смотрела в стену. И говорила. Шёпотом. Не своим голосом.

Я замер. Слушал.

Голос был мужской. Низкий. Хриплый. Он говорил:

«Я вернусь. Я всегда возвращаюсь. Ты думаешь, что победила? Ты думаешь, что он тебя спас? Он — старик. Он умрёт. А я — вечен. Я подожду. Я умею ждать. Я ждал тысячу лет. Подожду ещё. Я вернусь, когда ты забудешь. Когда ты

расслабишься. Когда ты подумаешь, что всё хорошо. Тогда я приду. И тогда… тогда никто тебя не спасёт».

Потом Аня замолчала. Открыла глаза. Посмотрела на меня. Взгляд был её. Серый, тёплый.

— Вы слышали? — спросила она.

— Да, — сказал я.

— Он приходит каждую ночь, — сказала она. — Не всегда говорит. Иногда просто смотрит. Я привыкла.

— Привыкли?

— Да. — Она улыбнулась. Горько. — Это моя жизнь теперь. Я знаю, что он рядом. Я знаю, что он ждёт. И я знаю, что однажды… однажды я могу не выдержать. Но пока я держусь. Потому что у меня есть Дима. И мама. И вера.

Она посмотрела в окно. На лес.

— Он думает, что он сильный. Но он забыл одну вещь.

— Какую?

— Что я тоже умею ждать. И что я не одна. Со мной — Бог. А с ним — никого.

Что я понял

Я вернулся в город через три дня. Усталый, опустошённый. Но с чувством, что сделал что-то важное. Не для Ани — для себя. Для понимания.

Я понял, что одержимость — это не то, что показывают в кино. Это не вращающаяся голова и зелёная рвота. Это тише. Страшнее. Это когда человек, которого ты знаешь всю жизнь, становится чужим. Когда его тело — уже не его. Когда голос, который ты слышишь, — не его голос. И ты не знаешь, что делать. Ты просто стоишь и смотришь. И молишься. Если умеешь.

Я понял, что демоны — не выдумка. Они есть. Они рядом. Они ждут. Они ищут дверь. И если ты откроешь её — хотя бы на секунду, хотя бы из любопытства, хотя бы из страха, хотя бы из желания знать будущее, — они войдут. И тогда будет бой. Долгий, тяжёлый, кровавый.

Я понял, что Церковь — не просто организация. Это оружие. Единственное оружие, которое работает против того, что не имеет имени. И священники — не просто люди в ря-

сах. Это солдаты. Они сражаются каждый день. С тем, что мы не видим. С тем, что мы не хотим видеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.